

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 2 (46). С. 149–158
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2023, vol. 12, iss. 2 (46), pp. 149–158
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-2-149-158>, EDN: OGMWEX

Научная статья
УДК 159.922.6

Временная перспектива вынужденных переселенцев с разными типами социально-психологической адаптации

М. В. Серебряная ✉, А. А. Бучек

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Серебряная Мария Витальевна, аспирант кафедры возрастной и социальной психологии, serebryanayamv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8954-8694>

Бучек Альбина Александровна, доктор психологических наук, доцент кафедры возрастной и социальной психологии, buchek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6689-7389>

Аннотация. *Актуальность* исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности процесса социально-психологической адаптации в связи с увеличением миграции иностранных граждан. *Цель:* определить особенности временной перспективы в ходе социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев. *Предположительно* временная перспектива вынужденных переселенцев будет различаться в зависимости от типа социально-психологической адаптации, а также на разных этапах взрослого возраста. *Участники:* 36 вынужденных переселенцев, находящихся в пункте временного размещения в Белгородской области, в возрасте от 34 до 57 лет (13 мужчин и 23 женщины), из них 21 человек в возрасте ранней зрелости, 15 – поздней зрелости. *Методы (инструменты):* тест «Адаптация личности к новой социокультурной среде» (Л. В. Янковский) для определения типа адаптации к новой социокультурной среде; опросник временной перспективы (Ф. Зимбардо) для изучения временной направленности; анкетирование, направленное на фиксацию социально-демографического статуса. *Результаты:* на уровне статистической тенденции установлено, что для ранней зрелости может быть более характерен интерактивный тип адаптации к новой среде, а для поздней зрелости вероятно более негативное восприятие своего прошлого. Показано, что убеждения в отношении временной перспективы, препятствующие формированию у вынужденного переселенца чувства принятия новой среды, уверенности в своих возможностях, характерны для непродуктивных типов адаптации. Выделены отношение к своему прошлому и склонность к фатализму настоящего в качестве наиболее значимых для протекания адаптационного процесса компонентов временной перспективы, дано уточнение в отношении конкретных типов адаптации и категории «продуктивный / непродуктивный тип адаптации» в целом. *Основные выводы.* Негативное восприятие своего прошлого и фаталистическое восприятие настоящего характерно для непродуктивных типов адаптации (депрессивного и отчужденного). Позитивное отношение к своему прошлому определяет продуктивное течение процесса социально-психологической адаптации. Среди продуктивных типов адаптации позитивное отношение характеризует именно адаптивный тип включения в новую социокультурную среду. Новизна обсуждаемой проблемы обусловлена выявлением особенностей временной перспективы у вынужденных переселенцев в ходе социально-психологической адаптации в контексте непродолжительного пребывания на территории страны. Полученные результаты могут быть использованы в практике организации психологического сопровождения социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев.

Ключевые слова: временная перспектива, социально-психологическая адаптация, продуктивный тип адаптации, непродуктивный тип адаптации, вынужденные переселенцы, зрелый возраст

Информация о вкладе каждого автора. А. А. Бучек – методология исследования, концепция и дизайн исследования; М. В. Серебряная – сбор и обработка материала, анализ полученных данных, оформление текста.

Для цитирования: Серебряная М. В., Бучек А. А. Временная перспектива вынужденных переселенцев с разными типами социально-психологической адаптации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 2 (46). С. 149–158. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-2-149-158>, EDN: OGMWEX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Time perspective of forced migrants with different types of socio-psychological adaptation

М. В. Serebryanaya ✉, А. А. Buchek

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Maria V. Serebryanaya, serebryanayamv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8954-8694>

Albina A. Buchek, buchek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6689-7389>

© Серебряная М. В., Бучек А. А., 2023

Abstract. The study is *relevant* due to the necessity to increase the efficiency of socio-psychological adaptation in connection with the growing number of migrants from other countries. The *aim* of the study is to determine the features of the time perspective in the course of socio-psychological adaptation of forced migrants. The article *hypothesizes* that time perspective of forced migrants will vary depending on the type of socio-psychological adaptation and on different stages of adulthood. The study *sample* includes 36 forced migrants who are staying in the temporary accommodation facility in the Belgorod region, aged from 34 to 57 (13 men and 23 women), 21 of them are at the age of early adulthood, 15 are in late adulthood. The *methods (tools)* of the research are as follows: the "Adaptation of a Personality to a New Socio-Cultural Environment Test" (L. V. Yankovsky) was used to determine the type of adaptation to a new socio-cultural environment; the "Time Perspective Questionnaire" (F. Zimbardo) was applied to study the temporal orientation; a questionnaire was used to fix the socio-demographic status. *The study results.* At the level of statistical trends, the study proves that early adulthood may be more characterized by an interactive type of adaptation to a new environment, whereas late adulthood may be characterized by a more negative perception of one's past. The results show that beliefs regarding the time perspective, that prevent the development of a sense of acceptance by the new environment and of the confidence in their capabilities, are characteristic of unproductive adaptation types. The study identifies the attitude to one's past and the tendency to fatalism of the present as the most significant components of the time perspective for the adaptation process. The author clarifies specific adaptation types and the category of the "productive/unproductive" adaptation types as a whole. *The conclusions.* Negative perception of one's past and fatalistic perception of the present are characteristic of unproductive adaptation types (depressive and alienated). A positive attitude to one's past determines the productive course of socio-psychological adaptation. Among the productive adaptation types, a positive attitude characterizes the adaptive type of inclusion in the new socio-cultural environment. Identification of the time perspective features of forced migrants in the course of their socio-psychological adaptation in the context of a short stay in the country determines the *novelty* of the issue under discussion. The results obtained can be used in the practice of organizing psychological support for the socio-psychological adaptation of forced migrants.

Keywords: time perspective, socio-psychological adaptation, productive adaptation type, unproductive adaptation type, forced migrants, mature age

Information on the authors' contribution. Albina A. Buchek developed the research methodology, the concept and design of the study; Maria V. Serebryanaya collected and processed the material, analyzed the data obtained and wrote the text.

For citation: Serebryanaya M. V., Buchek A. A. Time perspective of forced migrants with different types of socio-psychological adaptation. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2023, vol. 12, iss. 2 (46), pp. 149–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-2-149-158>, EDN: OGMWEX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время в нашей стране отмечается увеличение потока миграции иностранных граждан, в связи с чем перед обществом встает задача организации процесса их социально-психологической адаптации. Для психологического научного сообщества особую актуальность приобретают вопросы, связанные с решением задач повышения эффективности адаптационного процесса личности. Говоря о зрелой личности как субъекте миграции, можно выделить множество требующих тщательного изучения сфер, но в рамках нашего исследования мы остановимся на временной перспективе, так как в случае вынужденного переселения неотвратимо нарушается временная картина мира, рушатся планы на будущее, настоящее наполняется травмирующими событиями, послужившими поводом для смены места жительства. Категория времени для вынужденного переселенца претерпевает те или иные изменения, именно поэтому особенно важно отразить вопрос временной перспективы в связи с социально-психологической адаптацией.

Термин «социально-психологическая адаптация» в самой своей формулировке отражает комплексность и междисциплинарность. Так, И. Г. Овсянникова выделяет среди аспектов действия субъекта процесс и результат приспособления как основу для освоения новых видов

деятельности и сторонние действия, направленные на помощь в приспособлении [1]. В психологии в рамках системного подхода адаптация рассматривается как процесс или открытая система, стремящаяся к поиску равновесия за счет резервов внутри системы и за ее пределами и, соответственно, находящаяся в состоянии непрерывного взаимодействия [2]. Взгляд на адаптацию как на систему позволяет говорить о важной, но не обособленной роли отдельных личностных структур в процессе интеграции личности в новое общество. Такой подход подчеркивает их взаимосвязь и взаимовлияние, позволяет выделить среди них ведущие. Системообразующим компонентом подхода, интегрирующим в себя остальные, по мнению В. Н. Мясищева, является понимание адаптации как отношения человека к себе, к действительности и другим людям [3, 4]. В адаптации категория «отношение» отражает уровень самосознания, определяя равновесие между внутренними факторами, внешним поведением и транслируемым поведением.

Временная перспектива как характеристика психологического времени субъекта представлена в трудах многих современных исследователей, таких как Ю. Н. Гут, А. Ю. Захарова, О. Н. Попова, Т. А. Нестик, К. А. Чистопольская, Н. М. Baird, J. L. Perry, M. Stolarski и др. [5–13]. Е. Ю. Мандрикова пишет, что представление о времени ориентировано на некую субъективную

ось, которая не является статистическим образованием и может претерпевать определенные изменения и при этом разделяет перспективу и ретроспективу как разные направления временного континуума [14]. В нашем исследовании мы будем следовать за мнением Ф. Зимбардо, который определяет временную перспективу как «зачастую неосознанное отношение личности ко времени; процесс, при помощи которого длительный поток существования объединяется во временные категории, что помогает упорядочить нашу жизнь, структурировать ее и придать ей смысл» [15, с. 72]. В этом определении автор также высказывает идею потока времени, относительно которого существует личность и в отношении которого выделяются категории – их сосуществование и представляет собой временную перспективу. При этом Зимбардо отдельно подчеркивает неосознанность отношения ко времени и неразрывность существования в восприятии всех временных категорий – прошлого, настоящего и будущего. В ситуации вынужденной миграции восприятие этих категорий нарушается, о чем пишут А. В. Серый и М. С. Яницкий, считающие, что процесс вынужденного переселения влечет за собой нарушение идентичности и десинхронизацию временных отрезков восприятия прошлого и настоящего [16]. Образовавшаяся несогласованность в восприятии времени представляет собой отдельную трудность в организации процесса адаптации вынужденных мигрантов.

В современных исследованиях вопрос временной перспективы в контексте адаптации вынужденных переселенцев рассматривается в связи с другими личностными особенностями. Н. Д. Султанова выделяет начальный этап пребывания в стране как наиболее сенситивный для психологического воздействия. Исследуя смысложизненные ориентации вынужденного переселенца, она отмечает характерные для начального этапа безынициативную обреченность и поверхностную приспособляемость, что говорит об отсутствии ориентации на будущее [17]. Из этого исследования мы видим, что в контексте непродолжительного пребывания в стране процесс вынужденного переселения негативно влияет на возможность личности выстраивать планы, ориентируя ее на бесцельное проживание настоящего.

Сама необходимость адаптации личности к новым социокультурным условиям связана с неизбежным возникновением ряда трудностей. В их числе Т. М. Тагиева выделяет экономические, социально-политические и духовно-нравственные. Автор подчеркивает необходимость лич-

ной активности переселенца, говоря о том, что непосредственно на субъекте адаптации лежит основная ответственность за ее процесс, так как именно внутри личности мигранта происходят необходимые для завершения адаптационного процесса изменения. В качестве наиболее эффективного метода социальной адаптации ею выделяется выстраивание социальных отношений не только внутри общины вынужденных переселенцев, но и между общиной и внешним миром [18]. Об этом же пишут А. А. Варлакова и Т. В. Пфау, выделяя в качестве основной проблемы изоляцию переселенца от нового общества [19]. Проживание вынужденного переселенца в замкнутом пространстве, огражденном от среды, к которой ему необходимо приспособиться, оказывает негативное влияние как на сам процесс адаптации, так и на внутреннюю организацию психической жизни человека.

Обзор литературных источников показывает, что в ситуации вынужденного переселения человек сталкивается со множеством трудностей, стимулирующих его личность к изменению своей структуры. Необходимость перестраиваться под новые условия затрагивает все ее компоненты. В число подвергающихся изменениям структур входит и временная перспектива. Крайне важно для психологического сопровождения адаптации личности оказывать влияние именно на подверженные изменениям структуры личности.

Цель исследования, представленного в статье, – определить особенности временной перспективы в ходе социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев.

Исходя из уже существующих исследований мы *предположили*, что в ходе социально-психологической адаптации временная перспектива вынужденных переселенцев будет различаться в зависимости от типа адаптации. Мы также предположили, что ранняя зрелость будет отличаться от зрелой зрелости по параметрам временной перспективы и адаптации к новым социокультурным условиям.

Материалы

Участники. Исследование было осуществлено на пункте временного размещения беженцев в Белгородской области. Выборку исследования составили 36 вынужденных переселенцев – 13 мужчин и 23 женщины – в возрасте от 34 до 57 лет, из них 21 человек в возрасте ранней зрелости и 15 – поздней зрелости, согласно возрастной теории Э. Эриксона [20]. Все респонденты находятся на территории России

от 1 до 3 месяцев, так как ожидают отправки в пункты постоянного размещения в отдаленных городах страны. Каждым из обследуемых ранее было принято решение переехать и закрепиться на новом месте жительства, найти работу или получить необходимое для продолжения трудовой деятельности образование, оформить социальные выплаты и устроить детей в образовательные учреждения, что позволяет классифицировать их как вынужденных переселенцев.

Методики. Для определения типа социально-психологической адаптации, а также для выделения категорий «продуктивный / непродуктивный тип протекания адаптационного процесса» мы использовали тест «Адаптация личности к новой социокультурной среде» (Л. В. Янковский) [21], который позволяет выявить шесть адаптационных типов, из которых к числу продуктивных можно отнести адаптивный, конформный, интерактивный, а к непродуктивным – депрессивный, ностальгический и отчужденный. Тест включает 96 утверждений, в отношении которых респондентам предлагалось выразить степень своего согласия / несогласия в формате «да / нет». После обработки и интерпретации результатов применения методики мы можем определить тип адаптации респондента к новой социокультурной среде. Вывод о степени продуктивности хода адаптации можно сделать исходя из описания типов адаптации, данных автором. Поскольку конформный, адаптивный и интерактивный типы адаптации характеризуют респондента как открытого к новой среде, стремящегося поддерживать отношения с людьми в новом обществе, принимающего это общество, данные типы мы будем считать продуктивными. Респондент, у которого зафиксирован ностальгический, отчужденный или депрессивный тип адаптации, описывается как дисграммичная личность с выраженным неприятием нового общества, утратившая чувство сопричастности к культуре, в связи с чем данные типы адаптации мы выделяем в качестве непродуктивных.

Для определения системы отношений личности вынужденного переселенца к протеканию временного континуума был применен опросник временной перспективы Ф. Зимбардо [15], который позволяет определить временную направленность личности, сделать вывод о ее склонности к фатализму или гедонизму, а также зафиксировать эмоциональное отношение к будущему и прошлому. Опросник включает 56 утверждений, степень согласия с которыми респондентам предлагалось оценить по шкале от «совершенно неверно» до «совершенно верно».

В результате методика позволяет выйти на пять шкал, две из которых фиксируют отношение к своему прошлому («позитивное прошлое», «негативное прошлое»), две к настоящему («гедонистическое настоящее», «фаталистическое настоящее»), а шкала «будущее» определяет наличие у респондентов планов на будущее.

Для фиксации социально-демографического статуса было использовано анкетирование.

Методы анализа данных. Для обработки данных исследования были применены методы математической статистики: описательная статистика, сравнительный анализ (непараметрический H -критерий Краскелла – Уоллеса и U -критерий Манна – Уитни), корреляционный анализ (непараметрический коэффициент корреляции r -Спирмена). Статистический анализ данных был осуществлен с помощью пакета MS Excel и программы IBM SPSS Statistics 23.

Результаты и их обсуждение

Из полученных в ходе исследования данных следует, что для большинства вынужденных переселенцев в нашей выборке характерны ностальгический (25%) или отчужденный (25%) типы адаптации к новой среде, т. е. для них характерен взгляд на мир как лишенный смысла, они отвергают правила нового общества, озабочены проблемами своей идентичности и статуса. Вместе с тем для наименьшего количества (8%) характерен адаптивный тип включения в новую среду, т. е. крайне малое количество респондентов характеризуется высоким уровнем личностной активности, стремлением к самореализации, включенности в новое общество. Анализируя выборку в целом, можно заметить, что на малом сроке пребывания в стране для большинства характерно непродуктивное протекание адаптации.

Из данных, полученных в результате исследования отношения к временному континууму, мы видим, что для большинства вынужденных мигрантов характерна обращенность к своему будущему (28%), и это означает, что они сохраняют способность к целеполаганию и имеют сформулированный жизненный план. При этом незначительно меньшее число респондентов фиксировано на своем настоящем, демонстрируя либо гедонистическую (22%), либо фаталистическую (22%) позицию. Общим для таких респондентов является импульсивность, однако у вынужденных переселенцев с выраженным гедонистическим восприятием настоящего она связана с поиском новых удовольствий, а с фаталистическим – с депрессией и обидой.

Позитивное восприятие своего прошлого наименее характерно для выборки (8%), т. е. лишь у незначительного числа респондентов отмечается принятие своего прошлого опыта. Говоря о временной перспективе в целом, заключаем, что вынужденные переселенцы в ситуации пребывания на пункте временного размещения в большинстве своем обращены в будущее, заняты выстраиванием планов. Среди них много

и тех, кто сконцентрировался на настоящем, либо стремясь получать удовольствие, убегая от беспокойства, либо замкнувшись в своих негативных переживаниях.

В ходе исследования был проведен анализ различий показателей временной перспективы у вынужденных переселенцев в зависимости от типа адаптации. Статистически значимые результаты были обобщены и отражены в таблице.

Выраженность параметров временной перспективы вынужденных переселенцев с разным типом адаптации (N = 36)

Table. Manifestation of the parameters of the time perspective of forced migrants with different adaptation types (N = 36)

Тип адаптации	Временная перспектива		
	Негативное прошлое	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
Адаптивность	5,8	6	5,6
Конформность	6	4,3	5,7
Интерактивность	6	4,4	5,8
Депрессивность	6,7	4,6	5,8
Ностальгия	6,4	4,4	5,8
Отчужденность	6,2	4,5	5,7
<i>H-эмп</i>	0,002**	0,012*	0,011*

Примечание / Note. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

При анализе полученных результатов видно, что восприятие своего прошлого в негативном ключе в наибольшей степени характерно для вынужденных переселенцев с депрессивным типом адаптации ($H = 0,002$; $p \leq 0,01$). Это непродуктивный тип адаптации с характерными для него сниженным эмоциональный фон, потерей смысла, ощущением собственной беспомощности и чувством вины. Люди с таким типом адаптации склонны к неприятию собственного прошлого, испытывают к нему отвращение, злость, отвергают пережитый опыт из своей структуры личности. В актуальном восприятии таких людей в пережитых событиях актуализируются негативные аспекты и их переживание носит особенно яркий характер, препятствуя продуктивной адаптации.

Позитивное восприятие своего прошлого, как видно, наиболее характерно для переселенцев с адаптивным типом включения в новую социокультурную среду ($H = 0,012$; $p \leq 0,05$). Продуктивная адаптация, связанная с личной включенностью переселенца в новые социальные и культурные процессы, чувством принадлежности к обществу, причастностью к происходящим вокруг событиям также характеризуется и позитивно окрашенным отношением к своему прошлому. Необходимо отметить, что это отра-

жает личное восприятие переселенцем событий прошлого и связано с выбранной им реакцией на эти события. Для адаптивного типа включения в новую среду также характерна наименьшая в сравнении с другими типами склонность к фаталистическому восприятию своего настоящего ($H = 0,011$; $p \leq 0,05$). Вынужденные переселенцы адаптивного типа включения в новую среду отвергают идею предопределенности жизненного пути, судьбы, отдавая большее предпочтение убеждению, что жизнь человека подвластна его воле и находится в его ответственности.

Для депрессивного типа протекания адаптации характерно негативное восприятие своего прошлого. Это дополняет характеристику данного типа, указывая на возможную причину как его возникновения в целом, так и частных аспектов. Склонность к мрачному настроению, утрата смысла жизни, дистимность, низкая самооценка могут быть связаны именно с субъективной оценкой своего прошлого как несчастливого. Внимание вынужденного переселенца в таком случае будет сконцентрировано на прошлых событиях и связанных с ними переживаниях. Исходя из того, что застрявший в воспоминаниях человек оценивает произошедшие с ним события негативно, можно заключить, что у него будет преобладать негативный эмоциональный фон.

В таком случае вполне закономерным будет возникновение и чувства вины за прошлое, и ощущения беспомощности и подавленности, и тревоги, которые, как известно, указывают на депрессивный тип адаптации к новой среде.

Адаптивный тип включения в новое общество характеризуется позитивным восприятием прошлого и нефаталистическим отношением к настоящему. Получается, что адаптивный вынужденный переселенец стремится принять свое прошлое таким, каким оно есть. Принятие своего прошлого сочетается с чувством ответственности за собственную жизнь. Личная вовлеченность таких переселенцев, с одной стороны, помогает им справиться с бедами и утратами прошлого, а с другой – способствует формированию новой идентичности, вхождению в новое социокультурное общество. Принятие, с которым такие люди относятся к своему прошлому, распространяется и на актуальную для них ситуацию выстраивания новых отношений с людьми из нового социума. Налаженные социальные связи способствуют формированию у них чувства защищенности, принадлежности к новому обществу. Получается, что восприятие произошедших событий в позитивном ключе и отрицание фатализма способствуют актуализации у вынужденного переселенца чувства принятия своего прошлого и настоящего, что, в свою очередь, служит основанием для формирования активности, ответственности и вовлеченности в новую среду, определяя адаптивный тип включения в новый социум.

Для уточнения различий между продуктивным и непродуктивным типами адаптации мы провели математическую обработку данных и определили существование статистически значимых различий по показателю негативного восприятия своего прошлого ($H = 0,000$; $p \leq 0,001$). Анализ средних значений показал, что для непродуктивного типа адаптации к новой среде (ср. знач. = 6,3) в большей степени характерно негативное отношение к прошедшим событиям, чем для продуктивного (ср. знач. = 6). Из этого следует, что вынужденные переселенцы, процесс адаптации которых связан с чувством ностальгии, отчужденности и депрессии, также склонны к негативной оценке событий, произошедших с ними в прошлом.

Корреляционный анализ позволил обнаружить сильную положительную взаимосвязь между негативным восприятием прошлого и депрессивным типом адаптации ($r = 0,496$; $p = 0,002$). Следовательно, чем больше для вынужденного переселенца характерно негативное отношение к своему прошлому, тем в большей

степени он склонен к депрессивному ходу адаптационного процесса, и наоборот. Была выявлена также слабая положительная связь между фаталистическим восприятием настоящего и отчужденным типом адаптации ($r = 0,379$; $p = 0,023$). Соответственно, большая степень склонности мигрантов к фатализму, идеям предопределенности жизненного пути свидетельствует об отчужденном типе адаптации. Верно и то, что отчужденный тип, определяемый неприятием новой среды и нарушением идентичности, характеризуется фаталистическим отношением к своему настоящему.

В ходе социально-психологической адаптации к новым условиям восприятие времени различается в группах респондентов в возрасте ранней и поздней зрелости на уровне статистической тенденции. С этой целью был проведен сравнительный статистический анализ и установлено существование различий на уровне статистической тенденции в отношении негативного восприятия своего прошлого ($H = 0,053$; $p \leq 0,1$). Из анализа средних значений мы установили, что в возрасте поздней зрелости для вынужденных переселенцев возможна большая склонность к негативной оценке произошедших событий (ср. знач. = 6,2), когда для ранней зрелости такая склонность характерна в меньшей степени (ср. знач. = 6,1). Также была установлена статистическая тенденция к наличию различий в отношении интерактивного типа адаптации к новой среде ($H = 0,053$; $p \leq 0,1$). В ранней зрелости (ср. знач. = 8,3) для вынужденных переселенцев могут быть более характерны активное принятие новой среды, уверенность в своих силах, чем в поздней (ср. знач. = 8,2). Для респондентов в возрасте поздней зрелости, на наш взгляд, могут быть характерны отрицательное отношение к своему прошлому, склонность концентрироваться на негативных событиях, в то время как респонденты в возрасте ранней зрелости могут быть в большей степени открыты для новой социокультурной среды, иметь большую настроенность на расширение социальных контактов и направленность на взаимодействие с другими. Возможно, это связано с характеристикой периода ранней зрелости как менее подверженной эмоциональным переживаниям [22]. Для поздней зрелости характерно более выраженное проживание одиночества, что может быть причиной большей склонности к негативному восприятию своего прошлого [23]. По мере взросления человеку в большей степени становится свойственна ригидность взглядов, его самоотношение и восприятие себя как гражданина все труднее поддается пере-

осмыслению, что не может не сказываться на процессе адаптации к новой социокультурной среде [24, 25]. Обнаруженная тенденция требует проведения более углубленного исследования с расширенной выборкой.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют говорить о том, что наибольшую значимость в определении хода социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев имеют показатели отношения к своему прошлому и фатализма в отношении настоящего. Говоря о продуктивности адаптационного процесса в целом, мы замечаем, что положительное отношение к своему прошлому определяет продуктивное его протекание, а негативное отношение и фатализм – непродуктивное. Оценка собственного прошлого в позитивном ключе дает человеку возможность не тратить свои временные и психические ресурсы на переживание прошедших событий, а направить их на более важные в данный момент задачи, связанные с интеграцией в новый социум.

Становится очевидным, что позитивная или негативная оценка прошлых событий встраивается в протекание адаптационного процесса и либо препятствует ему, актуализируя депрессивные переживания, чувство вины, потерю смысла, либо может выступать как ресурс для формирования активной жизненной позиции, стимулирующей человека к преобразованию своего мировоззрения в соответствии с новой средой, выстраиванию новых социальных контактов, стремлению быть включенным в новое социокультурное общество. Прошлые вынужденных переселенцев, в том числе недавнее, послужившее причиной смены места жительства, может содержать объективно негативные переживания, стресс, утраты и потери, поэтому мы не говорим о наличии закономерности связи между событиями прошлого и актуальным процессом адаптации. Мы выделяем значимость личного отношения вынужденного переселенца к пережитым событиям, значимость того, какую оценку на данный момент он дает тому, что произошло с ним ранее.

Фатализм в отношении настоящего обозначает ощущение безволия человека перед судьбой или другой высшей силой, определяющей его жизненный путь. Перекалывание ответственности с себя на уже известную predeterminedность в ситуации вынужденного переселения способствует развитию у человека отчужденности от среды, к которой он вынужден адаптироваться. Благодаря фаталистичному взгляду на настоящее развивается ощущение беспокойства из-за невозможности самостоятельно удовлетворить свои

потребности и сопротивление новым нормам, традициям и правилам. Убежденность, что от них мало что зависит, подталкивает вынужденных переселенцев к переживанию чувства предательства высшей силой. Они занимают привычную для них позицию «что будет, то будет», но эта позиция вступает в противоречие с самой ситуацией вынужденного переселения, которая требует личной активности и ответственности. Подобное заключение обнаружено в исследовании категории времени в ментальном пространстве личности. А. А. Бучек отмечает, что несогласованность временного континуума приводит к фрагментарности настоящего, блокирует стремление в будущее и препятствует личной активности и осмысленности жизни [26]. Получается, что категория времени оказывает влияние на возможность личности реализовать доступные ей возможности в целом, и эта тенденция сохраняется в частной ситуации вынужденного переселения, опосредуя ход социально-психологической адаптации.

Выводы

Из вышеизложенного следует, что убеждения в отношении временной перспективы, препятствующие формированию у вынужденного переселенца чувства принятия новой среды, уверенности в своих возможностях, характерны для непродуктивных типов адаптации (депрессивного и отчужденного, в частности). В рамках нашего исследования в числе таких убеждений были выделены негативное восприятие своего прошлого и фаталистическое восприятие настоящего. В свою очередь, позитивное отношение к своему прошлому, способствующее возникновению личной удовлетворенности процессом миграции, определяет продуктивное течение процесса социально-психологической адаптации. Среди продуктивных типов адаптации позитивное отношение характеризует именно адаптивный тип включения в новую социокультурную среду.

Важно отметить, что на этапе непродолжительного пребывания на территории принимающей страны адаптация вынужденных переселенцев в основном характеризуется своей непродуктивностью, однако мы видим тенденцию к повышению эффективности этого процесса через работу психолога с восприятием времени. Временная перспектива представляет собой лишь один из компонентов социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев и не может полностью обуславливать этот процесс. Установлена статистическая тенденция

к существованию различий между вынужденными переселенцами в возрасте ранней и поздней взрослости. Необходимость уточнить или опровергнуть данную тенденцию дает основания для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Овсянникова И. Г., Терещенко Т. М. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российском вузе // Известия ВГПУ. 2018. № 3 (126). С. 41–46.
2. Гриценко В. В., Ефременкова М. Н., Мураценкова М. В., Смотров Т. Н. Семьи трудовых мигрантов: социально-психологическая адаптация к условиям вынужденной разлуки. Смоленск : Смоленский гуманитарный университет, 2014. 219 с.
3. Берешин М. А. Концепция отношений В. Н. Мясищева и теория психической адаптации личности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2008. № 33 (133). С. 18–26.
4. Мясищев В. Н. Психология отношений. М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : МОДЭК, 1995. 153 с.
5. Гут Ю. Н., Кабардов М. К. Особенности временной перспективы личности на этапе профессионального самоопределения // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5, № 3. С. 85–97. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2019-5-3-0-7>
6. Захарова А. Ю., Трусова А. В. Временная перспектива личности при аффективных расстройствах: обзор научных исследований // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16, № 3. С. 435–450. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-435-450>
7. Попова О. Н. Оптимальность выбора мотивационных направлений в структуре сбалансированности временной перспективы личности // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 4. С. 121–129. <https://doi.org/10.15293/1813-4718.1904.14>
8. Нестик Т. А., Шаповалова О. С., Плужник С. А. Социальная идентичность и временная перспектива личности как предпосылки отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 4. С. 102–126. EDN: YLIIMA
9. Нестик Т. А. Долгосрочная ориентация личности: состояние и перспективы исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 3. С. 110–140. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005
10. Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Озоль С. Н., Чубина С. А. Отношение к смерти в контексте временной перспективы: адаптивные, защитные и неадаптивные взгляды на смерть у молодых взрослых // Суицидология. 2019. Т. 10, № 1 (34). С. 58–74. [https://10.32878/suiciderus.19-10-01\(34\)-58-74](https://10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-58-74)
11. Baird H. M., Webb T. L., Sirois F. M., Gibson-Miller J. Understanding the effects of time perspective: A meta-analysis testing a self-regulatory framework // Psychological Bulletin. 2021. Vol. 147, no. 3. P. 233–252. <https://doi.org/10.1037/bul0000313>
12. Perry J. L., Temple E. C., Worrell F. C., Zivkovic U., Mello Z. R., Musil B., Cole J. C., McKay M. T. Different version, similar result? A critical analysis of the multiplicity of shortened versions of the Zimbardo time perspective inventory // SAGE Open. 2020. Vol. 10, iss. 2. P. 1–15. <https://doi.org/10.1177/2158244020923351>
13. Stolarski M., Zajenkowski M., Jankowski K. S., Szymaniak K. Deviation from the balanced time perspective: A systematic review of empirical relationships with psychological variables // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 156. Article number 109772. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109772>
14. Мандрикова Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 54–65.
15. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь Прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим. СПб. : Речь, 2010. 352 с.
16. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 1–11. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.523>
17. Султанова Н. Д. Учет смысловожизненных ориентаций вынужденных переселенцев в процессе организации реабилитационной работы // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2010. Т. 5, № 3 (16). С. 104–113.
18. Тагиева Т. М. Особенности адаптации вынужденных переселенцев к новой социальной среде // KANT: Social science & Humanities. 2021. № 1 (5). С. 24–29. <https://doi.org/10.24923/2305-8757.2021-5-2>
19. Варлакова А. А., Пфау Т. В. Социально-психологическое сопровождение вынужденных переселенцев из Украины на этапе их адаптации к проживанию в Республике Хакасия // Научный альманах. 2015. № 11-5 (13). С. 161–164. <https://doi.org/10.17117/na.2015.11.05.161>
20. Солодников В. В., Солодникова И. В. Объект исследования «Средний возраст» человека // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 1 (89). С. 166–185.
21. Сонин В. А. Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского) // Сонин В. А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб. : Речь, 2004. С. 206–211.
22. Мишкиназян М. К., Бондаренко Е. В. Индивидуально-типологические особенности эмоциональной устойчивости личности в периоды ранней и поздней взрослости // Инициатива в науке как новая стратегия развития системы знаний: сб. науч. трудов. Казань : СитИвент, 2019. С. 55–60. EDN: KXQVGG

23. Галактионов И. В., Макарова А. С. Особенности переживания одиночества в юности, ранней и поздней зрелости // Мотивация и рефлексия личности: актуальные вопросы теории и практики: сб. науч. трудов / под ред. Е. Н. Ткач. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2020. С. 55–61. EDN: CFOKWV
 24. Онучина П. А., Сукнева Е. А. Взаимосвязь образа тела и аутосимпатии на разных этапах зрелости // Проблемы теории и практики современной психологии: материалы XX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Иркутск, 23–24 апреля 2021 г. / редкол.: И. А. Конопак [и др.]. Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. С. 128–133. EDN: KNYAZS
 25. Кочетова Ю. А., Емельянова Е. А. Психологические характеристики проявления гражданской позиции в ранней и поздней юности // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, № 4. С. 147–156. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110412>
 26. Бучек А. А. Категория времени в ментальном пространстве личности (на примере малых народов Севера) // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 48–54.
- References**
1. Ovsyannikova I. G., Tereshchenko T. M. Sociocultural adaptation of foreign students to learning conditions in Russian higher schools. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2018, no. 3 (126), pp. 41–46 (in Russian).
 2. Gritsenko V. V., Efremenkova M. N., Murashchenkova M. V., Smotrova T. N. *Sem'i trudovykh migrantov: sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya k usloviyam vynuzhdennoy razluki* [Families of Migrant Workers: Socio-Psychological Adaptation to the Conditions of Forced Separation]. Smolensk, Smolensk Humanitarian University Publ., 2014. 219 p. (in Russian).
 3. Berebin M. A. Myasishev's conception of personality attitude and the theory of psychic adaptation of personality. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 2008, no. 33 (133), pp. 18–26 (in Russian).
 4. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of Relations]. Moscow, Institute of Practical Psychology Publ., Voronezh, MODEK Publ., 1995, 153 p. (in Russian).
 5. Gut Y. N., Kabardov M. K. Features of the time perspective of personality at the stage of professional self-determination. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 85–97 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2019-5-3-0-7>
 6. Zakharova A. Yu., Trusova A. V. Time perspective in patients with affective disorders: Review of scientific research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 435–450 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-435-450>
 7. Popova O. N. Optimality of the choice of motivational directions in the structure of the balance of the time perspective of the individual. *Siberian Pedagogical Journal*, 2019, no. 4, pp. 121–129 (in Russian). <https://doi.org/10.15293/1813-4718.1904.14>
 8. Nestik T. A., Shapovalova O. S., Pluzhnik S. A. Social identity and time perspective as predictors of attitudes toward common past, present, and future. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2019, vol. 4, no. 4, pp. 102–126 (in Russian). EDN: YLIIMA
 9. Nestik T. A. The state and prospects of research. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020, vol. 5, no. 3, pp. 110–140 (in Russian). DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005
 10. Chistopolskaya K. A., Enikolopov S. N., Nikolaev E. L., Semikin G. I., Ozol S. N., Chubina S. A. Death attitudes in the context of time perspective: adaptive, protective and maladaptive views on death in young adults. *Suicidology (Russia)*, 2019, vol. 10, no. 1 (34), pp. 58–74 (in Russian). [https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-01\(34\)-58-74](https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-58-74)
 11. Baird H. M., Webb T. L., Sirois F. M., Gibson-Miller J. Understanding the effects of time perspective: A meta-analysis testing a self-regulatory framework. *Psychological Bulletin*, 2021, vol. 147, no. 3, pp. 233–252. <https://doi.org/10.1037/bul0000313>
 12. Perry J. L., Temple E. C., Worrell F. C., Zivkovic U., Mello Z. R., Musil B., Cole J. C., McKay M. T. Different version, similar result? A critical analysis of the multiplicity of shortened versions of the zimbaro time perspective inventory. *SAGE Open*, 2020, vol. 10, iss. 2, pp. 1–15. <https://doi.org/10.1177/2158244020923351>
 13. Stolarski M., Zajenkowski M., Jankowski K. S., Szyniak K. Deviation from the balanced time perspective: A systematic review of empirical relationships with psychological variables. *Personality and Individual Differences*, 2020, vol. 156, article no. 109772. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109772>
 14. Mandrikova E. Yu. Modern approaches to the study of the temporal perspective of personality. *Psychological Journal*, 2008, vol. 29, no. 4, pp. 54–65.
 15. Zimbardo F., Boyd J. *The Paradox of Time. A New Psychology of Time That Will Improve Your Life: Fix the Past, Enjoy the Present and Manage the Future*. St. Petersburg, Rech' Publ., 2010. 352 p. (in Russian).
 16. Seryi A.V., Yanitskii M. S. Semantic aspects of the experience of the social identity's crisis in the forced change of life situation. *Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 43, pp. 1–11 (in Russian). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.523>
 17. Sultanova N. D. Accounting of vital orientations of forced migrants in the process of rehabilitation work. *Russian Journal of Physical Education and Sport*, 2010, vol. 5, no. 3 (16), pp. 104–113 (in Russian).
 18. Tagiyeva T. M. Features of adaptation of internally displaced persons to a new social environment. *KANT: Social science & Humanities*, 2021, no. 1 (5), pp. 24–29 (in Russian). <https://doi.org/10.24923/2305-8757.2021-5.2>

19. Varlakova A. A., Pfau T. V. Social and psychological support forced migrants from Ukraine at the stage of their adaptation to living in the Republic of Khakasia. *Scientific Almanac*, 2015, no. 11-5 (13), pp. 161–164 (in Russian). <https://doi.org/10.17117/na.2015.11.05.161>
20. Solodnikov V. V., Solodnikova I. V. Object of research “Average age” of a person. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, 2009, no. 1 (89), pp. 166–185 (in Russian).
21. Sonin V. A. Adaptation of personality to a new socio-cultural environment (L. V. Yankovsky’s test). In: Sonin A. V. *Psikhodiagnosticheskoe poznanie professional’noy deyatel’nosti* [Psychodiagnostic Cognition of Professional Activity]. St. Petersburg, Rech’ Publ, 2004, pp. 206–211 (in Russian).
22. Mishkinazyan M. K., Bondarenko E. V. Individual typological features of emotional stability of personality in the periods of early and late adulthood. In: *Initiativa v nauke kak Novaya strategiya razvitiya sistemy znaniy: sb. nauch. trudov* [Initiative in science as a new strategy for the development of the knowledge system: collection of scientific papers]. Kazan’, SitIvent Publ., 2019, pp. 55–60 (in Russian). EDN: KXQVGG
23. Galaktionov I. V., Makarova A. S. Features of experiencing loneliness in youth, early and late adulthood. In: *Motivatsiya i refleksiya lichnosti: aktual’nye voprosy teorii i praktiki: sb. nauch. trudov. Pod red. E. N. Tkach* [Tkach E. N., ed. Motivation and Reflection of Personality: Topical Issues of Theory and Practice: collection of scientific papers]. Khabarovsk, Pacific National University Publ., 2020, pp. 55–61 (in Russian). EDN: CFOKWV
24. Onuchina P. A., Sukneva E. A. The relationship of body image and aut sympathy at different stages of maturity. *Problemy teorii i praktiki sovremennoy psikhologii: materialy XX Vseros. nauch.-prakt. konf s mezhdunar. uchastiem* [Problems of Theory and Practice of Modern Psychology: proceedings of the 20th All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2021, pp. 128–133 (in Russian). EDN: KNYAZS
25. Kochetova Yu. A., Emelianova E. A. Psychological characteristics of the manifestation of civil position in early and late youth. *Psychological-Educational Studies*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 147–156 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110412>
26. Buchek A. A. Category of time in mental space of the person (on the example of small people of the North). *Siberian Psychological Journal*, 2009, no. 34, pp. 48–54 (in Russian).

Поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 15.03.2023
The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 15.03.2023